

ЦЕННОСТЬ ИСТОРИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

— Вы еще не такие счастливые, какими я хотел бы вас видеть.

— Мы боимся, что ты отошлешь нас назад, Аслан,— ответила Люси.

— Ты так часто отсылал нас обратно в наш собственный мир.

К л а й в С т е й п л з Л ь ю и с
«Хроники Нарнии»

Вопрос этот, простой и невинный с виду, подспудно в размышлениях историка присутствует всегда: «Какой толк в твоих ученых занятиях, в чем польза от твоих трудов?» Говоря шире, в чем социальная ценность исторического знания? Какими социальными функциями оно владеет? Какая польза от науки, обращенной в прошлое, уводящей в прошлое, напоминающей о прошлом, прошлое человеческого общества имеющей предметом своего изучения?

Конечно, можно ответить кратко: прошлое — «наш собственный мир», ибо без него нет настоящего. Можно напомнить о прекрасных мыслях, в которых необходимость истории обосновывается ярко и афористично: «История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» (Н. М. Карамзин). Можно рассказать о судьбе последней книги погибшего в фашистском застенке крупнейшего французского историка XX в. Марка Блока, книги, вышедшей после смерти автора и названной «Апология истории». Участник Сопротивления, он писал ее с ясным пониманием, что она будет последней, что жизнь на исходе. Он писал книгу, выросшую из детского желания: «Папа, объясни мне, зачем нужна история?» и взрослого недоумения, услышанного в день вступления немцев в Париж в июле 1940 г.: «Надо ли думать, что история нас обманула?»

Эти ответы и рассуждения будут правильными, но очевидность истины не всегда убедительна, а скептиков,

отказывающих истории в полезности и социальной оправданности, немало. К аргументам скептиков тоже стоит прислушаться, тем более что среди них — Гегель и Ницше, Вольтер и Декарт, Поль Валери и Жан Жак Руссо.

Негативное отношение к истории простирается от ее полного неприятия как «самого опасного продукта» интеллектуальной деятельности ученых (П. Валери) до признания неизбежными ее спутниками искажения истины и неправды (Вольтер, как известно, делил всех историков на тех, кто лжет, тех, кто ошибается, и тех, кто просто ничего не знает). Для Рене Декарта главное следствие увлечения прошлым состояло в растущем невежестве относительно настоящего. Гегель, создатель одной из величайших систем философии истории, оставался сторонником мнения о бесплодности исторического знания как знания о единичных, уникальных, неповторимых и преходящих событиях прошлого: единственное, чему мы можем научиться у истории,— это тому, что она никого и ничему не учит. Руссо с большой опаской размышлял о влиянии истории на формирование личности ребенка. В ней больше примеров дурного, чем доброго; картины прошлого, заведомо искаженные, навязывают знания и убивают самостоятельность интеллектуального поиска. В чем-то созвучная с этими рассуждениями мысль Ницше (счастлив только ребенок, и именно потому, что он не способен понимать значения слова «было») обретает глобальные масштабы: «...существует такая степень бессонницы, постоянного пережевывания жвачки, такая степень развития исторического чувства, которая влечет за собой громадный ущерб для всего живого и в конце концов приводит его к гибели, будет ли то отдельный человек, или народ, или культура».

Неприятие истории становится здесь основой мирозерцания, трагического и разрушительного одновременно. И этот трагизм, обращающийся то усмешкой, то скепсисом, то гневом, то раздражением, увы, понятен нам сегодня больше, чем еще несколько лет тому назад. Опыт последнего времени — опыт бесспорно жестокий. Радостный оптимизм, порожденный верой в быстрое самоочищение общества, средствами подлинной и правдивой истории в том числе, омрачен пришедшим осознанием того, что историческое знание может унижать, служить орудием разрушения и катализатором ненависти. Аргументы «от истории», звучащие в перерывах между треском автомат-

ных очередей, право, ничем не лучше «исторических обоснований», включенных в тексты партийных докладов.

И вновь мы оказываемся перед вопросом о ценности истории, понимая уже, что ответ на него не может быть ни простым, ни кратким: он из тех, которые предполагают серьезный, обстоятельный разговор, исключающий согласие в выводах без глубокого анализа отправных посылок и ключевых понятий. Нам предстоит подумать о предмете нашего разговора, о понятии истории. Мы поставим вопросы о сущности исторического факта, попытаемся разобраться в специфике исторического источника, поразмышляем о терминологии исторической науки и о подходах к пониманию исторического процесса, задумаемся над проблемой своеобразия исторического пути России. И только после этого мы сможем вернуться к вопросу, с которого начали: в чем социальный смысл исторического познания?